

УДК 502(571.53/.54)(09)
ББК 20.1(253)г
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(4\).747-764](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(4).747-764)

И. В. Курышова

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ: ПРИРОДООХРАННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматривается процесс формирования системы правовой регламентации лесопользования, промысловой охоты и рыболовства в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. в контексте природоохранной деятельности органов государственной власти. Отмечается, что если большая часть идей правового обеспечения охраны лесов принадлежала государству, то ограничение охоты и рыбного промысла инициировались местными властями, купцами и промышленниками. Делается вывод о том, что в Байкальском регионе, несмотря на половинчатый характер многих правовых актов и трудности с их реализацией, в целом была заложена основа природоохранной правовой системы, причем во многом это произошло усилиями региональных властей.

Ключевые слова. Байкальский регион, история охраны природы, природопользование, природоохранная деятельность.

I. V. Kuryshova

*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation*

REGULATORY ACTIONS IN THE SPHERE OF NATURAL RESOURCES MANAGEMENT IN THE BAIKAL REGION ON XIX–XX CENTURIES: CONSERVATION ASPECT

Abstract. The article studies the process of formation of forest management, commercial hunting, and fishing

regulation system in the Baikal region in the end of XIX — beginning of XX centuries in the context of conservation activities of the public authorities. The author underlines that while legal coverage of forest management was developed by the central government, legal coverage of commercial hunting and fishing was invoked by local authorities, merchants, and industrialists. The author comes to the conclusion that despite unaccomplished character of many legal act and some realization problems the foundation of conservation legal system was laid mostly by the local authorities in the Baikal region.

Keywords. Baikal region, conservation history, natural resources management, conservation activity.

Проблемы правовой регламентации природопользования в Байкальском регионе во второй половине XIX — начале XX в. стали особенно актуальны на фоне двух обстоятельств. Первое из них состояло в том, что активное включение Байкальской Сибири в экономическую сферу страны происходило в условиях становления в России капиталистических отношений. Рыночные механизмы, в известной степени эффективные для повышения уровня жизни человека и прогресса человечества в целом, в чистом виде, к сожалению, не предусматривают природоохранной деятельности, которая бы соответствовала давлению общества на окружающую среду. Самое большее, на что способна рыночная экономика, — рационализация природопользования в интересах сохранения прибылей. Второе обстоятельство не менее важно, и состоит оно в том, что Сибирь, несмотря на свою географическую и историческую связь с европейской частью России, зачастую рассматривалась центральными властями как сырьевая база. Еще в середине XIX в. всерьез велись споры о том, является Сибирь частью России или ее колонией. Первое из названных обстоятельств привело к трансформации экологических традиций населения, причем не только пришлого, но и коренного. Второе — обусловило нерациональный характер

освоения сибирских пространств, которым была уготована роль сырьевой базы и территории, за счет которой можно было снять напряженность в европейской части России, вызванную малоземельем.

В совокупности следствия перечисленных обстоятельств сформировали комплекс антропогенных явлений, напрямую повлиявших на сокращение природных ресурсов в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX столетий. Так, уменьшение поголовья зверя и сокращение рыбных ресурсов явились следствиями бесконтрольной промысловой деятельности, а сокращение лесов было вызвано самовольными порубками и лесными пожарами, произошедшими по вине человека. Уменьшение лесных массивов естественным образом влияло и на сокращение популяций животных.

Проблема сохранения природных богатств Сибири обострилась настолько, что власти были вынуждены обратить на нее внимание. В условиях распространения товарно-денежных отношений лишь внятная государственная политика, опирающаяся на твердую законодательную и финансовую базу и имеющая в своем распоряжении репрессивный аппарат, могла эффективно решать эти вопросы.

Становление природоохранного законодательства Сибири, призванного упорядочить взаимоотношения человека и природы, в конце XIX – начале XX в. происходило на фоне общей активизации российской законотворческой деятельности, направленной на охрану окружающей среды и рационализацию природопользования. На общероссийском уровне в области его правового регулирования приоритет отдавался лесоохране. Правовые нормы, регламентирующие лесопользование, включали детально разработанные правила, которые дополнялись нормативными актами местных властей. Лесопользование в Российской империи в конце XIX – начале XX в. регулировалось Лесным уставом (редакции 1842, 1857, 1876, 1893, 1905 гг.).

Согласно положениям Лесного устава 1905 г., леса на всей территории России подразделялись на государственные и состоящие в общественной и частной собственности. Государственные леса составляли собственность казны и подразделялись на казенные и имеющие особое предназначение. К казенным лесам относились: 1) леса, отведенные в пользование на определенный срок: а) казенно-оброчные статьи, образованные из аренды пустых земель и б) леса сорокалетнего пользования, образованные из аренды пустых земель на 40 лет или без срока и без оброка; 2) леса, находящиеся в пользовании государственных учреждений: земли этапов, почтовых станций, казенных заводов; 3) пустопорожные земли. К разряду лесов, имеющих особое предназначение, относились леса: 1) государственные, состоявшие в пользовании государственных крестьян; 2) отведенные в надел крестьянам и инородцам в Сибири; 3) выделенные монастырям; 4) состоящие в пользовании инородцев, казачьих войск¹.

Примерами нормативных актов, регулирующих лесопользование, помимо Лесных уставов 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг., являются Положение «О сбережении лесов» от 4 апреля 1888 г.², а также большое количество инструкций: по устройству казенных лесов от 19 июня 1908 г.³, для устройства защитных лесов от 22 марта 1889 г.⁴, для устройства водоохраных лесов

¹ Извлечение из Устава лесного // Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по земельному устройству в губерниях и областях Азиатской России : (по 1 августа 1909 г.). СПб., 1909. С. 514-515.

² Положение «О сбережении лесов» от 4 апреля 1888 года // Вся Россия: Рус. кн. пром-сти, торговли, сел. хоз-ва и администрации: торг.-пром. адрес-календарь Рос. империи на [1895 год]. СПб., 1895. С. 330-334.

³ Инструкция об устройстве казенных лесов (1908 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 28. Д. 651. Л. 1-13.

⁴ Инструкция для устройства защитных лесов (1889 г.) // РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 653. Л. 1-13.

1903 г. и т. д. В этих документах были использованы не только существующие уже положения об охране лесов, но и учтен практический опыт и достижения отечественной науки о лесоводстве.

Необходимо отметить, что из-за удаленности от центра, малочисленности населения, неразвитой инфраструктуры, обособленности региона и наличия огромных лесных ресурсов, казавшихся неисчерпаемыми, на Сибирь не распространялось большинство норм лесопользования, принятых в России до конца XIX в. До середины XIX в. не проводилось даже сколько-нибудь значимых исследований лесных пространств региона. Однако перспектива уменьшения лесов исподволь подталкивала власти к проведению мер по их охране и в Сибири.

Обеспокоенность сохранением природных богатств Сибири проявлялась на всех уровнях власти. Что касается лесоохраны, то определенные меры в этом направлении предпринимались и органами местного самоуправления и крестьянской общиной. Так, местными властями были установлены «Условия для продажи леса, с учетом по площади из казенных дач Иркутской губернии», «Условия для продажи мертвого (сухоподстойного, валежного, буреломного) леса, с учетом по количеству заготовленных материалов, из казенных дач Иркутской губернии»⁵. Но в целом инициатива в вопросе лесоохраны принадлежала государству, поскольку большая часть лесных пространств являлась государственной собственностью [2, с. 84–85].

Предпринимаемые центральной государственной властью меры были направлены, прежде всего, на организацию деятельности лесничеств. Первоначально лесопользование в регионе находилось в ведении местной исполнительной власти. Исследованиями лесов Иркутской губернии по штату 1894 г. при Ир-

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 9. Л. 53, 56.

кутском генерал-губернаторе занимались вице-инспекторы корпуса лесничих, четыре ревизора лесоустройства и двенадцать кондукторов⁶. С 1895 г. начинается процесс образования лесничеств в Байкальском регионе. Лесничества явились здесь основой развития природоохранной работы. В 1896 г., для более эффективной эксплуатации земельных и лесных ресурсов, по решению Государственного Совета создается Управление Государственных имуществ Енисейской и Иркутской губерний. С 1 апреля 1897 г. фактическое управление делами взяла на себя Иркутская Казенная палата. К 1917 г. на территории региона функционировало около трех десятков лесничеств. Их основные функции сводились к охране лесов от пожаров и самовольных вырубок (последнее – карательными, а не предупредительными методами: регистрация вырубок, выписывание штрафов и т. п.) и проведению лесоустроительных работ (исследование территорий, выделение заказников, контроль за их состоянием), причем первая из перечисленных функций – природоохранная – являлась приоритетной. Природоохранная деятельность лесничеств нуждалась в правовой регламентации.

Порядок преследования самовольных порубок определялся Законом от 7 апреля 1897 г. о лесных проступках, распространявшемся и на Сибирь, и заключался он в следующем: после обнаружения нарушения составлялся протокол, в котором обозначались сведения о месте, объеме, времени порубки, личности нарушителя, свидетелях и понятых, указывалась стоимость похищенного леса. Все эти данные в дальнейшем использовались при разбирательстве (судебном или административном). Протоколы о проступках, нанесших убыток на сумму свыше 5 р. по казенной таксе, лесничие должны были отправлять к Управля-

⁶ Всеподданнейший отчет Иркутского генерал-губернатора за 1906–1907 г. Иркутск, 1908. С. 21.

ющему Государственными имуществами, а по протоколам, где сумма убытка не превышала 5 р., представитель лесничества составлял на месте постановление о наложении взыскания в пользу казны. Нарушитель, согласный с административным решением, мог внести штраф сразу или в течение двух недель, а также в рассрочку, о которой должна была быть сделана запись в постановлении. Кроме того, разрешалось, при согласии лесничего, отработать взыскание в лесничестве, в котором совершено нарушение. В случае несогласия нарушителя с административной мерой наказания, дело разбиралось в общем порядке, установленном для дел о преступлениях и проступках против имущества и доходов казны⁷. Таким образом, законодательно была закреплена ответственность (в том числе, уголовная) за нарушение правил лесопользования.

Противопожарные меры регламентировались «Правилами о побочных пользования в казенных лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования»⁸ 1895 г. и «Правилами для предупреждения лесных пожаров в губерниях Иркутской и Енисейской и на 30 верстах расстояния от берегов сплавных рек в Якутской области», принятых в 1897 г.⁹ По ним с 15 мая по 15 октября на всей территории Иркутской губернии палы запрещались совсем, в другое время палы допускались только с соблюдением определенных правил, разграничивались полномочия местной полиции, лес-

⁷ ГАИО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 5. Л. 79–81.

⁸ Правила о побочных пользования в казенных лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования, преподанные г-ном Иркутским генерал-губернатором в предложение Казенной палате 22 февраля 1895 г. за № 24. Ст. 20 // Общество Сибирских охотников в г. Иркутске: отчеты о деятельности общества за 1895 г. Иркутск, 1896. С. 46–47.

⁹ «Правила для предупреждения лесных пожаров в губерниях Иркутской и Енисейской и на 30 верстах расстояния от берегов сплавных рек в Якутской области» от 30 октября 1897 г. // ГАИО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

ничих и крестьян при тушении пожаров. В частности, согласно эти правилам, в случае возникновения лесных пожаров для тушения должны были собираться жители ближайших селений, расположенных от места пожара не далее 15 верст, а при сильных пожарах и жители отделенных селений (не далее 25 верст). В 1908 г. были приняты «Правила для производства рубки леса в Государственных пустопорожных дачах». Согласно этим правилам, вырубать лес имел право лишь тот, у кого на руках был лесорубочный билет¹⁰.

В целях рационализации лесопользования с конца XIX в. в Байкальском регионе начинается работа по выделению казенно-оброчных статей и заказников из казенных земель. Согласно Указу о заведовании государственными лесами 1894 г. часть земель, представляющая особую ценность, изымалась из свободного пользования, а лесные материалы из данных участков могли отпускаться только за установленную плату¹¹. С образованием лесничеств процесс формирования заказников начинает проходить более быстрыми темпами. В 1895 г. был образован Хайтинский заказник. Аршанский заказник был создан на основании постановления Иркутского генерал-губернатора от 24 марта 1899 г.¹² Яндинский заказник (Черемховское лесничество) возник в 1912 г.

Если инициатором лесоохраны выступало государство, то в отношении охраны фауны сибирской тайги приходится констатировать отсутствие общероссийской природоохранной правовой базы. Попытки оформления соответствующей правовой базы предпринимались (например, обсуждение проекта об охоте для Азиатской России, единого рыболовного Устава для всей Сибири), но до реальных законов дело не дошло. Единственный общероссийский за-

¹⁰ ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3120. Л. 40.

¹¹ Там же. Ф. 171. Оп. 1. Д. 387. Л. 7.

¹² Сибирь. 1913. 12 нояб. (№ 254). С. 3.

кон, распространявшийся и на Сибирь, ограничивал соболиную охоту. Интересно отметить, что с инициативой его принятия выступили местные власти сибирских губерний и члены Ирбитского ярмарочного комитета. На фоне процессов сокращения численности соболя, при сохранении стабильного спроса на шкурки этого ценного зверька, купцы и промышленники сами были заинтересованы в регулировании соболиного промысла. В 1911 г. Иркутский генерал-губернатор принял постановление о запрете производить охоту на соболя в Забайкальской области с 1 февраля по 1 октября¹³. Члены Ирбитского ярмарочного комитета, понимая необходимость охраны соболя законодательным путем, начиная с 1910 г. выступали с инициативой принятия закона о запрете соболиной охоты на два года. Они обращались с соответствующими ходатайствами к членам Государственной Думы, в Министерство торговли и промышленности, Главное управление землеустройства и земледелия. В 1911 г. Государственная Дума создала особую комиссию по охоте, обратилась к местным властям с просьбой о сборе информации относительно охоты на соболя. Ирбитский ярмарочный комитет посчитал необходимым выбрать трех депутатов, самых лучших специалистов по пушной торговле — М. В. Пихтина, Г. И. Леянова и А. О. Швеца — для участия в работе этой комиссии¹⁴. 16 апреля 1912 г. Совет министров на основании отчета Иркутского генерал-губернатора за 1910–1911 гг. постановил признать настоятельно необходимым немедленное распространение на Сибирь закона об охране соболя для сохранения этого зверя, неотложность выделения охранных участков (так называемых заказников). 9 июня 1912 г. Государственной Думой и Государственным Советом был утвержден Закон «Об уста-

¹³ Забайкальская новь. 1911. 3 апр. (№ 1098). С. 2.

¹⁴ Там же. 8 дек. (№ 1283). С. 3.

новлении ограничительных по охоте соболя мер», который запрещал соболиную охоту с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г.¹⁵ В течение этого срока запрещалось продавать, покупать, развозить, перевозить и хранить убитых соболей, соболиные меха и шкурки, не снабженные клеймами или пломбами, удостоверяющими, что они добыты до 1 февраля 1913 г. По истечении указанного срока, охота на соболя воспрещалась ежегодно с 1 февраля по 15 октября – на период размножения зверей и роста детенышей. Контроль за исполнением закона возлагался на местные органы самоуправления (волостных старшин, сельских старост, должностных лиц казачьего и инородческого управления), лесную стражу, лесничих и полицию. Протоколы о нарушении закона предписывалось составлять согласно статьям Устава головного судопроизводства, обязательно указывая, какие предметы и в каком количестве отобраны у обвиняемого. Меры наказания за нарушение закона были достаточно мягкими – предполагались изъятие добычи, штраф от 15 до 100 р. за незаконную добычу (за каждую шкурку) и до 300 р. за хранение, продажу и покупку, а также арест до 1 месяца за добычу и 1–3 месяца за хранение и куплю-продажу. Конфискованные соболиные меха и шкурки обязательно регистрировались: клеймились, пломбировались, получали удостоверения, после чего поступали в продажу. Вырученные от продажи деньги и штрафы должны были вноситься в местное казначейство департамента Главного управления землеустройства и земледелия для хранения до издания особого законоположения.

В деле более детального регулирования промышленной деятельности большая роль принадлежала

¹⁵ Закон «Об установлении ограничительных по охоте соболя мер» от 9 июня 1912 г. // Сибирские вести. 1913. 12 янв. (№ 10). С. 3.

местной власти. Иркутская администрация в конце XIX — начале XX в. выпустила не менее десятка нормативных актов, ограничивающих зверовой и рыбный промыслы. Основными видами промысловых животных в Байкальском регионе были пушные звери, поэтому неудивительно, что значительная часть правил, изданных местными властями для регулирования охоты, касалась промысла именно пушного зверя. Среди этих правил преобладали ограничения сроков охоты. Например, в 1902 г. Иркутским военным генерал-губернатором было принято постановление, запрещающее охоту на всех пушных зверей с 1 марта по 1 сентября в пределах Иркутского генерал-губернаторства¹⁶. С целью охраны соболя в Байкальском регионе образовывались питомники, заказники, были основаны по инициативе местных властей первые в России заповедники — Баргузинский и Саянский. В 1915 г. постановлением Иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева территория Ирбейского лесничества (Канский уезд Енисейской губернии) была изъята из свободного пользования населения и объявлена дачей единственного владения казны в целях организации Саянского заповедника [1, с. 287].

На совещании при Департаменте земледелия в 1916 г. было одобрено предложение о создании Саянского соболиного заповедника, утвержден план организации, выделено на 1916 г. 22,7 тыс. р., а 1 мая 1916 г. назначен заведующий заповедником — Август Гансович Лепп. В этом же году начал действовать организованный при заповеднике соболиный питомник, в котором, кроме разведения соболя, предполагалось разведение маралов и кабарги. Но политические события 1917 г. не позволили официально оформить Саянскому заповеднику на государственном уровне. Более удачно сложилась судьба второго заповедника,

¹⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1970. Л. 294.

организованного в Байкальском регионе в первые десятилетия XX в. для охраны соболя – Баргузинского. Согласно постановлению от 17 мая 1916 г. того же генерал-губернатора Л. М. Князева, территория баргузинской тайги была изъята из свободного пользования тунгусов (которые продавали права на пользование тайгой промышленникам и купцам) и передана в исключительное распоряжение и под надзор казенного местного управления. Местность эта находилась под охраной Баргузинского лесничества еще с января 1915 г. Официальной датой создания Баргузинского заповедника считается 29 декабря 1916 г., когда было одобрено представление Министра земледелия в Правительствующий Сенат «Об учреждении Баргузинского заповедника», опубликованное 20 января 1917 г.¹⁷ Заповедник организовывался для охраны особо ценного баргузинского соболя в целях содействия его размножению и расселению на прилегающих участках. Площадь заповедника охватывала территорию в 260 000 десятин [3, с. 12]. Первым заведующим Баргузинским заповедником был Константин Алексеевич Забелин.

Ряд нормативных актов региональной администрации ограничивал охоту на копытных, численность которых к началу XX столетия неуклонно сокращалась, и упорядочивал рыбный промысел на Байкале и реках края. Так, ограничению охоты на копытных было посвящено несколько статей принятых в 1895 г. «Правил о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии, изъятых из свободного пользования». Согласно этим правилам, охота на лосей, изюбров, диких коз и кабаргу запрещалась с 1 марта по 1 сентября. Запрещались также использование для охоты на этих животных ям, капканов, петель, охота по насту. Однако наказание за наруше-

¹⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 28. Д. 1063. Л. 13.

ние правил было символическим – штраф в размере трех рублей¹⁸.

В 1910 г. Иркутский генерал-губернатор утвердил правила, согласно которым охотиться в казенных лесах разрешалось «...или в порядке образования оброчных статей, или же по дозволительным билетам, за плату, по определенным таксам»¹⁹. Ежегодное уменьшение зверя, продолжающееся истребление коз, сохатых, изюбров привели к изданию постановления Иркутского генерал-губернатора от 29 марта 1911 г. о воспреещении весенней охоты по насту²⁰. Согласно постановлению, сельские старосты и родовые начальники должны были ежегодно к 1 мая доносить в волостные правления и инородные управы о каждом случае охоты по насту, указывая количество убитых животных, участников охоты для привлечения виновных к ответственности. Чины лесной стражи неоднократно выступали против того, чтобы контроль за исполнением постановлений был возложен на местные власти, ссылаясь на то, что волостные и инородческие начальники сами нередко участвуют в истреблении зверей в запрещенное время, а земская полиция в лице одних земских заседателей не может физически следить за правильностью охоты и преследовать виновных²¹. Отдельные меры местных властей и работа лесничих были бы более эффективны, если бы существовал общероссийский закон, ограничивающий промысловую охоту. Но он так и не появился в Российской империи.

Наблюдение за состоянием рыбного промысла в Байкальском регионе местные власти стали осуществлять с начала XIX в. Отдельные ограничительные

¹⁸ Правила о побочных пользованиях в казенных лесах Иркутской губернии... С. 44–45.

¹⁹ ГАИО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1905. Л. 37.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1978. Л. 274.

меры временного характера начали вводиться еще с 1816 г. [4, с. 17]. С целью упорядочения отношений между различными группами рыбопромышленников, а также для урегулирования рыбного промысла в конце XIX в. постепенно начинает формироваться система охраны рыбных ресурсов. Были изданы временные «Правила о рыбопромышленности во время рунного хода омулей в реках Верхняя Ангара и Кичера», утвержденные генерал-губернатором Восточной Сибири Н. П. Синельниковым 26 мая 1872 г., Правила 1882 г., упорядочившие рыбопромышленность на Байкале (проект подготовлен в Иркутске комиссией статского советника Д. Большакова [4, с. 18]), Правила 1895 г., утвержденные Приамурским генерал-губернатором²². За ними последовали «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал, реке Селенге», утвержденные Приамурским генерал-губернатором 23 августа 1900 г.²³, «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и рек, впадающих в него, расположенных в пределах Баргузинского уезда Забайкальской области, кроме рек Верхняя Ангара и Кичера», принятые Иркутским генерал-губернатором 12 июня 1906 г.²⁴, «Правила о рыбопромышленности на озере Байкал и реках в него впадающих», утвержденные Иркутским генерал-губернатором А. Н. Селивановым 29 декабря 1908 г.²⁵ Правила 1908 г. более тщательно регламентировали рыбный промысел, они были составлены с учетом природных и метеорологических особенностей местности, отличались более четкой структурой органов надзора за соблюдением правил и распространялись на всю территорию Байкала.

²² Обзор Забайкальской области за 1898 г.: приложение к Всеподданнейшему отчету военного губернатора Забайкальской области. Чита, 1899. С. 6.

²³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 2291. Л. 42.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же; Сибирская заря. 1909. 10 февр. (№ 33). С. 1.

Примечательно, что инициаторами правового ограничения рыбной ловли являлась, в большинстве случаев, общественность, в частности, промышленники. Сам факт того, что инициатива проведения природоохранных мероприятий была проявлена «снизу», свидетельствует о формировании определенного общественного мнения, сочувствующего идее разумного ограничения природопользования.

Вместе с тем, сохранение пережитков колониального сознания у представителей центральной и местной администраций и необходимость согласования волевых решений с экономическими интересами страны и конкретных предпринимателей обусловили двойственный характер природоохранной деятельности в Байкальском регионе. Лесничества испытывали серьезные трудности, связанные с недостатком квалифицированных кадров, недостаточным финансированием, непоследовательностью центральной власти, требующей от лесничеств, в нарушение ранее принятых правил, содействия при проведении переселенческих мероприятий, строительстве железных дорог и т. д. Меры по ограничению охоты и рыбной ловли были противоречивы и не могли искоренить причин сокращения животных. Общероссийские законы об охоте и рыбной ловле отсутствовали, те же правила, которые издавались местными властями, оказывались малоэффективными, так как их применение не могло быть контролируемо ввиду недостатка средств и людей.

В целом приходится признать, что далеко не все правовые нормы, зафиксированные на бумаге, применялись в реальной жизни. Ситуация осложнялась бюрократическими препонами, непрофессионализмом служебных лиц. Тем не менее, в Байкальском регионе была заложена основа законодательства, регламентирующего природопользование. Правила, ограничивающие охоту и рыболовство в Байкальском регионе, ре-

гулировали различные стороны промысловой деятельности, составлялись с учетом специфики различных территорий и видов промысловых животных. Важно, что местные органы власти могли более или менее эффективно решать некоторые вопросы даже в условиях недостаточной разработанности общероссийского законодательства.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в Байкальском регионе складывается система обусловленного правом пользования природными ресурсами. Эта система включала в себя комплекс мероприятий, к каковым можно отнести: образование органов, регулирующих лесопользование (лесничеств), формирование законодательной базы, ограничивающей промысловую деятельность (географические рамки, сроки, приемы, орудия, объекты охоты и рыбной ловли) и пользование лесными ресурсами, а также системы наказаний за нарушения правовых норм; образование заповедников, заказников и питомников. Мотивы властей и общественных организаций, являвшихся инициаторами природоохранного законодательства, — отдельный вопрос. Очевидно, что опасения за сохранность природных богатств диктовалась не столько заботой о сохранении экологического равновесия в регионе, сколько экономическими соображениями. Тем не менее, это тот случай, когда важнее результат.

Современные органы местного самоуправления, имеющие гораздо более мощный профессиональный ресурс и широкие полномочия, нежели имели местные власти в конце XIX — начале XX в., могли бы взять на вооружение позитивный опыт предыдущих поколений. Это касается не только разработки местного природоохранного законодательства, но и взаимодействия местных властей с центральным государственным аппаратом, с одной стороны, и с общественностью — с другой.

Список использованной литературы

1. Зуляр Ю. А., Очерки истории природопользования в Байкальском регионе в XX веке / Ю. А. Зуляр. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. — 496 с.
2. Строгий А. А. О лесах Сибири / А. А. Строгий. — СПб. : Тип. СПб. градоначальства, 1911. — 108, [1] с.
3. Устинов С. К. Заповедник на Байкале : [Баргузин. заповедник] / С. К. Устинов. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. — 191 с.
4. Шахеров В. П. Проблемы рационального природопользования в Сибири XIX в. / В. П. Шахеров, А. В. Даниленко // Хозяйственное освоение Сибири в XIX — начале XX в. — Иркутск : ИГПИ, 1991. — С. 16–22.

Информация об авторе

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: kiw09@mail.ru.

Author

Irina V. Kuryshova — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of State Legal Subjects, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov st., Irkutsk, Russian Federation, 664074, e-mail: kiw09@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Курьшова И. В. Правовая регламентация природопользования в Байкальском регионе на рубеже XIX–XX веков: природоохранный аспект / И. В. Курьшова // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 4. — С. 747–764. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(4).747-764.

Reference to article

Kuryshova I. V. Regulatory actions in the sphere of natural resources management in the Baikal region on XIX–XX centu-

ries: conservation aspect. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 4, pp. 747-764. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(4).747-764. (In Russian).